

Юлия Остапенко

Жажда снящих

Часть сборника
Жажда снящих (сборник)

Юлия Остапенко

Жажда снящих

«Автор»

2006

Остапенко Ю. В.

Жажда снящих / Ю. В. Остапенко — «Автор», 2006

«Когда я наконец смогла уснуть, мне приснился лес. Лиственница, густой колючий подлесок, длинные гряды оврагов, заросших крапивой. В оврагах хорошо рыть норы. Грунт глинистый, податливый. Очень хорошо рыть норы. Я припадаю носом к земле и беру след. Я рою землю. В вышине шумят ветви. Сейчас день. Жужжат комары. Рядом болото. Я рою землю и перехватываю зубами шею полёвки. Её хребет хрустит у меня на челюстях. Я вскидываю голову. Кровь полёвки брызжет на мою шерсть. Я замираю...»

© Остапенко Ю. В., 2006

© Автор, 2006

Жажда снящих

Фантастику я очень люблю, в особенности – социальную, и именно поэтому до сих пор побаиваюсь её писать. Слишком большая ответственность. Фантастика ведь куда как ближе к нашим с вами реалиям, чем фэнтези, а уж социальная – особенно. Потому что когда мы читаем фэнтези, то, как бы ни были живы и близки нам герои, они всё-таки где-то далеко, в неведомой безумной стране, да и вообще неизвестно, была ли эта страна, не было... А фантастика – это мы, это наше с вами завтра. Или даже наше с вами сегодня.

Вас это не пугает, нет? Вам везёт.

Когда я наконец смогла уснуть, мне приснился лес. Лиственница, густой колючий подлесок, длинные гряды оврагов, заросших крапивой. В оврагах хорошо рыть норы. Грунт глинистый, податливый. Очень хорошо рыть норы. Я припадаю носом к земле и беру след. Я рою землю. В вышине шумят ветви. Сейчас день. Жужжат комары. Рядом болото. Я рою землю и перехватываю зубами шею полёвки. Её хребет хрустит у меня на челюстях. Я вскидываю голову. Кровь полёвки брызжет на мою шерсть. Я замираю. Я слушаю лес. Виляя, мелким шагом крадусь по дну оврага. Тельце полёвки болтается в моих зубах. Я выбираюсь из оврага, кладу добычу на землю, рядом с зарослями ежевики. Снова рою землю. Под моими когтями трава, потом земля, потом глина, потом что-то твёрдое. Я фыркаю и тычусь мордой в это твёрдое. Оно блестит на солнце. Сейчас день. Это лес. Я снова рою. Жёлтое, без запаха. Странное. Оно появляется из-под комьев земли. Земля влажная. Я рою. Я слышу шум и вскидываю голову. Осторожность. Я должна соблюдать осторожность.

Осторожность.

И то, что я говорю себе это, говорю то, чем просто должна быть, – это так нелепо и неестественно, что выдёргивает меня из сна.

Я открыла глаза и машинально трянула зажатым между пальцев фильтром. Скосила глаза на руку, безвольно откинутую на подлокотник кресла – хоть иглу втыкай. Взгляд дальше – ладонь мокрая. И сигарета между указательным и средним пальцем. Догорела почти до фильтра. Стало быть, спала я минут пять, а то и все десять.

Я разжимаю пальцы и слышу, как окурок падает в пепельницу у ножки кресла. С мягким шорохом, на грудку бычков. Я не должна этого слышать. Чёрт, я не должна этого здесь слышать. Слишком тихий звук для человеческого уха. Но не для лисьего, да.

Я снова закрываю глаза, медленно выдыхаю сквозь зубы, старательно, с присвистом (почувствуй, как лёгкие слипаются стенками, да, вот так), а перед глазами лес. Мои ноздри раздуваются, и это я тоже слышу. Я рою землю.

– Твою мать, – сказала я вслух. Язык и губы двигались с трудом, издавая звуки, от которых разум успел отвыкнуть. Пять, может быть, десять минут сна – и я уже не помню человеческой речи. Скверно. Я снова сказала: – Твою мать! – Уже громче. Внятнее. Да, так хорошо.

Вслепую нашарив на полу смятую пачку (пальцы сжались разом, царапнули ногтями ковролин – рою землю...), я вынула из неё сигарету, сунула в рот и сжала зубами, вспоминая, как хрустел на них позвоночник полёвки. Потом поползла до телефона и набрала номер Бориса. И пусть только этот урод попробует не оказаться на месте.

– Алло, да-да, я слушаю! – помехи на линии. Я почти вижу, как он одной рукой стягивает одеяло, а другой нашаривает очки, уголки губ у него закисло со сна. Я стискиваю сигарету зубами. Я её не зажгла, но сейчас мне это и не надо – только стискивать.

– Что это вы мне за хрень подсовываете снова, Борис Ефимович? – спрашиваю я без приветствия. Я всегда так с ним, а он хоть бы разок возмутился, что ли. Впрочем, никто ему не мешает жаловаться главному супервизору.

– Машенька? Это ты? Господи, что опять случилось?

Раз этак четыреста уже повторяла, что никакая я ему не Машенька, потом плюнула. Когда человек только за последний год трижды откачивает тебя от адреналинового шока, уже всё равно, как он тебя называет. Я бы даже была ему признательна, если бы только он сам не провоцировал у меня этот шок раз за разом. Вот и боится теперь, гад. Случись что со мной, ему ведь башку открутят. И куда как медленнее, чем это сделала бы я. А я не зверь. Я просто землю рою...

– Опять! – говорю я и ругаюсь матом, и луплю ребром ладони по микрофону. И жмурюсь. И выдыхаю сквозь стиснутые зубы. В трубке: «Машенька, что с тобой, Маша?» – Ничего, – говорю я, – ничего. Всё, прошло. Только что же за хрень вы мне на этот раз прислали, дражайший мой Борис Ефимович?

– Давление ты мерила? Пульс у тебя какой? Одышка есть? Сколько ты спала?

– Нормально я спала, – я проигнорировала все его вопросы, кроме последнего, потому что на самом деле только он один и имеет значение. – Минут семь, максимум. Так что это болтушка ваша, а не...

– Болтушка нормальная, не дури, – раздражённо сказал Борис Ефимович, совершенно успокоившись. Да я, в общем, и сама уже не очень понимала, зачем ему позвонила. Мне хотелось стискивать зубы. И рыть землю.

– Эхо сильное, – сказала я, зажмурившись. Мой голос звучал невнятно, то ли от сигареты, всё ещё зажатой в зубах, то ли от того, что я по-прежнему должна была фыркать, рычать и лаять, а не говорить. – Очень сильное, давно такого не было.

– Можешь себе вколоть антидот?

– Обойдусь. – Я уже совсем спокойна. Я даже прикуриваю наконец сигарету. Не с первого раза, но всё-таки. Дым заползает в лёгкие, и я вздыхаю, не разжимая губ. – Нет, правда, всё уже нормально.

– Ты уверена? Вколи, я тебе говорю. Хотя бы полкубика. Мне приехать?

– Да нет, не надо. К тому же я на супервизию опаздываю.

Сказала и поняла: мать твою, и впрямь ведь опаздываю! Ну, без меня-то не начнут, а всё равно дело дрянь. Младший и так на меня уже давненько зуб точит. А не пошёл бы он... Я бросила взгляд на часы. Как только это получилось?.. Но опоздала уже жутко. Совсем вылетело из головы.

– Спице, – говорю я в трубку, где всё ещё надрывается Борис, и роняю её на рычаг. Метким, точным движением. Только пластмасса клацнула.

Прежде чем выйти из моей пустой тёмной квартиры, я отдёргиваю шторы. У самой двери останавливаюсь и пережидаю мучительный спазм сфинктера. Если я сейчас закрою глаза, лисица во мне рефлекторно пометит территорию перед уходом. А у меня нет времени переодеваться. Иногда я думаю, что сказал бы Борис Ефимович, если бы знал о некоторых нюансах эха от этих снов. Да уж, расскажешь о таком. Антидотами заколют насмерть.

Закрыв входную дверь и нажав на кнопку вызова лифта, я вдруг почувствовала во рту горький привкус табака. И только тогда заметила, что прокусила сигарету.

Супервизии Снящих проходят раз в несколько недель, в одном и том же месте – это что-то вроде нашей штаб-квартиры, хотя на самом деле мы просто там иногда собираемся. Это происходит в старом заброшенном здании на окраине спального района. Раньше там был офис какой-то захудалой конторы, потом здание назначили под снос, контора съехала, а дом отдали нам. На самом деле здание, конечно, аварийным не было – это наши постарались, оформили всё как надо. С трёх сторон дом окружен пустырьём, а от фасада тянется старая грунтовка, метров через пятьсот сворачивающая на шоссе, по которому мотаются маршрутки. Других зданий возле этого дома нет, и грунтовкой почти никто не пользуется. Я всегда иду по ней

пешком, в любую погоду. Остальные подъезжают на машинах, а я хожу пешком. Как и Игнат. Но мы никогда не встречаемся по дороге.

Вообще-то в этом городе нас, Снящих, всего четверо. И все мы не высшего класса. А всего нас четверо, да. Я, Игнат, Младший и Тимур. Я единственная женщина в группе. Это редкость – женщин среди Снящих больше двух третей. В другой группе это обеспечивало бы мне положение дочери полка или хотя бы общей шлюхи, что, скажем прямо, бывает намного чаще, но только не у нас. Компашка не та собралась. Я вижу этих людей пару раз в сезон, почти всегда по ночам. И никто из них не зовёт меня Машенькой.

Сегодня я пришла последней. Кто-то всегда приходит последним, и это никогда ничего не значит, кроме тех случаев, когда «кем-то» оказываюсь я. Младший любит меня. Он хочет, чтобы я была дисциплинированной. И послушной. Мы все должны быть послушными. Мы одна большая дружная, мать её, семья.

Я думала об этом, поднимаясь по тёмной лестнице на шестой этаж. Я всегда думаю об это только здесь. Но здесь – непременно: на этой лестнице как-то не думается ни о чём другом. Руки у меня в карманах плаща, на языке – всё ещё горечь раздавленного табака. И скользкая спинка зажигалки глубоко в кармане, под сжатыми пальцами.

Больше никакого эха.

С этой мыслью я начинаю супервизию.

Никогда я не бывала на встречах анонимных алкоголиков, и, подозреваю, остальные тоже, но в кино всё выглядит именно так. Маленькая уютная комната, приглушённый свет, глубокие вязкие кресла, поставленные кругом. Только у Младшего на коленях ноутбук. Младший хмурится и постукивает стилусом по монитору. Что на нём, не видно никому, кроме самого Младшего. Он держит связь со старшим супервизором, который контролирует по меньшей мере десяток супервизий, происходящих в эту самую минуту по всей нашей необъятной родине. А потом, может, завтра, а может, через год, наш старший явится на супервизию с другими старшими, и кто-то из них будет постукивать стилусом по монитору, отчитываясь перед тем, кого никогда не видел... Думаю, даже Младший не знает, сколько нас, да ему, в общем, и не интересно. Не наше это дело – считать. Наше дело – снить.

– Если бы вы, Мария Владимировна, изволили отвечать на звонки, вам было бы известно, что сегодняшняя супервизия проходит под кодом один ноль один, а потому за опоздание будет налагаться дисциплинарное взыскание.

Это Младший. Он всегда так говорит. На самом деле ему за пятьдесят, он годится мне в отцы. Зовут его Вениамин Всеволодович. Пока он не открывает рот, можно подумать, что перед вами самый тихий, милый и добрый человек из всех, кого вы встречали в жизни. Когда я только вступила в группу, Тимур сдохмил, что таким людям, как Вениамину, в средневековье была уготована блестящая карьера младшего ученика второго помощника великого инквизитора. Прямо в десятку, мне понравилось. Так и повелось за ним: Младший. Нескоро пришлось мне, дура, понять, что Тимур не хохмил. Просто он очень хорошо знал людей. И ненавидел их. Как и все мы.

Я закинула ногу на ногу и, видя, что Младший ждёт ответа, поинтересовалась:

– Прямо сейчас?

– В данный момент этот вопрос не является приоритетным, но мы непременно к нему вернёмся, будьте уверены, – ответил Младший. Да, вот так он говорит. С расстановкой, внятно проговаривая запятые.

– Давайте уже начинать, в самом деле, спать охота.

Это Тимур. Тимур умеет говорить и зевать одновременно. Он похож на ленивого толстого кота. И он единственный из известных мне Снящих, кто всё время хочет спать. Более того – любит спать. Не знаю, любит ли он снить. Я тоже любила, пока думала, что это одно и то

же, и пока не знала, что делают с миром мои сны. Но об этом не принято говорить вслух, как не принято говорить о вчерашнем несварении желудка вследствие позавчерашнего дикого перепоя. По крайней мере в приличном обществе.

– Оглашаю повестку дня, – начал Младший; он читал с монитора, постукивая по нему стилусом. – Пункт первый, общий: информирование членов групп на местах о специальном постановлении ввиду чрезвычайно ситуации. Пункт второй, локальный: разрешение текущих вопросов Сновидения на местах. Пункт третий, локальный: расширение группы. Пункт четвёртый, локальный: дисциплинарные взыскания.

– Как расширение группы? Блин, что, опять практикант?! – возмутилась я и полезла за сигаретой.

– Здесь не курят, Мария Владимировна, – процедил Младший. И не надоедает же ему – раз за разом. Я прикурила и выпустила дым в его сторону. Тимур неодобрительно покачал головой. Но он сидел далеко от меня. Я уостила ноги поудобнее и сказала:

– Добавь в список взысканий. А лучше напрямую жалуйся главному супервизору.

Он уже меня не слушал. Ей-богу, он скажет: «Здесь не курят, Мария Владимировна», даже если я войду в комнату с плакатом «Курить – здоровью вредить!», и пахнуть от меня будет исключительно мятной жвачкой. Это свойство всех младших учеников вторых помощников...

– Если нет возражений, переходим к пункту первому, общему.

И тут он захлопнул ноутбук. Тимур присвистнул и сразу проснулся. Я затынулась поглубже и стряхнула пепел на голый пол, готовясь услышать что-нибудь интересное.

– У нас снова случай саботажа, господа.

– И дамы, – напомнила я. Младший посмотрел на меня немигающим взглядом. Тимур недоверчиво сощурился.

– У нас, здесь?

– Запрос общий. Местность пока неизвестна и уточняется. Приказано применить превентивные меры и сократить сеансы Сновидений до необходимого минимума. А также быть готовыми к тотальной проверке в любой момент. В любой момент, Мария Владимировна. Так что настоятельно рекомендую вам подходить к телефону.

– Есть улики?

А это Игнат. О, Игнат... Если о Младшем до того, как он заговорит, вы необоснованно хорошего мнения, то молчащего Игната вы не видите вообще. Он сливается с обстановкой. Ему бы в разведке работать, а он спит. Игнат, Игнат... Если бы мне было пятнадцать лет, я бы писала для него дрянные стихи. Там обязательно была бы строчка «холодный мой, строгий». И что-нибудь, что рифмуется со словом «вечность». Уверена, в его характеристике значится: «Характер нордический. Не женат». Хотя я не знаю, женат ли он.

Младший раскрывает ноутбук – так, словно просто хотел на мгновение оставить нас без свидетелей, – и стилус снова пляшет по монитору.

– Улики не разглашаются в интересах следствия. Но их достаточно, чтобы факт саботажа был вынесен на местные супервизии. Это означает скорее всего отсутствие глобальных последствий для мира, но, возможно, они ещё не успели проявиться в фиксированном масштабе.

– Взмах крыльев бабочки на одном конце света... – бормочу я, прикрыв глаза, и Тимур фыркает. Младший смотрит на меня водянистыми глазами.

– На вашем месте, Мария Владимировна, я отнёсся бы к ситуации со всей серьёзностью. До окончательного выяснения ситуации подозрение падает на каждого.

– На каждого из нас, ты хотел сказать.

– Я сказал то, что хотел сказать, Мария Владимировна.

Какое у меня медленное имя. Медленное и старательное. Я такой никогда не была.

– Вениамин Всеволодович, – бормочу я про себя и ухмыляюсь, когда его брови недоумённо вскидываются. Он знает, как мы его называем между собой, только думает, что это

из-за его должности – младший супервизор. Думаю, он уже отвык от звучания собственного имени.

– Если это всё, давайте к пункту два, – сказал Тимур, и мы перешли к пункту два.

Те немногие, кто знает о происходящем, называют нас Сновидцами, но это неправильно. Сновидец – это тот, кто видит сон. Мы не видим снов. Мы сним видимость. Сначала есть мы, а потом уже – всё, что происходит вокруг нас. Мы были всегда, некоторых из нас считали про-роками, некоторых – чудаками. В средневековье нас лихо и азартно жгли как одержимых и еретиков. Почти каждый человек хотя бы раз в жизни снил – то есть видел во сне что-то, что потом так или иначе сбывалось. В простонародье такие сны зовут «вещими», и почти никто не подозревает, что это управляемое свойство психики. Можно забавляться или игнорировать эту способность. А можно развивать её и делать своей работой. Иногда, когда человек чаще спит, чем видит сон, у него не остается выбора. Его находят, вербуют, обучают и зачисляют в локальную группу, формирующую мир вокруг себя. Тот, кто сильнее, делает это явно: он спит пожары, и революции, и научные открытия. Остальным достаётся рутинная работа. Нас здесь четверо, и мы не особенно сильные пророки. Когда мы, вколотив себе дозу болтушки – препарата, активизирующего фазу быстрого сна, – садимся в круг, соединяем руки и видим один и тот же сон, не происходит ничего особенно важного. Говоря по правде, мы даже не всегда понимаем толком, что именно сним. Порой это довольно осмысленные вещи. Балкон старого дома падает посреди ночи на пустой тротуар, и мы знаем, что, вероятно, он должен был обвалиться на головы прохожих. Или бешеная собака травится тухлыми консервами – должно быть, чтобы спасти жизнь того, кого она загрызла бы несколько дней спустя. Наверное, для этого – а может быть, и нет. Гораздо чаще нам приходится сниться всякие мелочи, на первый взгляд абсолютно лишённые смысла. Какой-то человек, переходящий дорогу через пешеходный переход, вместо того чтобы пройти через подземный. Кофейная чашка, задетая чьим-то локтем и разлетающаяся осколками об кафельный пол. Или даже просто кирпичная стена, с которой порывом ветра срывает плохо приклеенную афишу. Это легко и быстро, мы успеваем наснить много таких мелочей за одну супервизию. Я не знаю, что мы делаем, и не знаю, зачем. Иногда, впрочем, поступают более конкретные инструкции – когда дело касается непосредственно нашего городка. Мы здесь единственная группа Снящих, поэтому на нас ложится ответственность за все более или менее важные события, которые в нём происходят. Случается это, правда, нечасто. Самое большое наше достижение – поимка маньяка, насильничавшего школьниц совсем недалеко от нашей штаб-квартиры, прямо на этих пустырях.

Может показаться, что мы вмешиваемся во вселенскую гармонию, но вряд ли это так. Старшие Снящие знают, что делают. А если и не знают, то это наверняка знают те, кто стоят над ними – те, кто спит наши улицы и города... Здесь строгая иерархия, ничего лишнего, и каждый на своём месте. Мы четверо, и даже Младший – самая низшая ступень. То, что мы делаем, – не спасение и не благодеяние. Может, профилактика, а может, работа над ошибками... Не знаю, да и знать-то не хочу. Хотя это пришло не сразу. Нам всегда указывают, что мы должны сниться – на то и существуют супервизии. И мы сним то, что велено, и ничего кроме того. Это просто работа. Просто такая работа.

И сегодня мы просто работаем.

После сновидения мы обычно делаем короткий перерыв и разбредаемся по комнате – кому-то надо выпить кофе, кому-то покурить. Но на деле мы просто пытаемся скрыть, насколько сильно мы устали. Скрывать – единственное, что всем нам удаётся на ура. И я правда не знаю, выкладываются ли остальные на полную или только притворяются. Если не притворяться, это скоро заметят. И повысят. А наша работа отличается от любой другой тем, что никто и никогда не хочет повышения, если только он не полный идиот.

Отдыхаем мы молча, я смотрю на Игната. Он пьёт кофе со сливками. На его губе остаётся след молочной пенки, и Игнат аккуратно промакивает его салфеткой.

– Возвращаемся к повестке дня, – говорит Младший, и Тимур, весь перерыв бессмысленно пялившийся в окно, поспешно садится обратно в своё кресло. – Пункт третий, расширение группы.

– Давно пора, – вполголоса заметил Тимур. Мы с Игнатом молчим, хотя и по-разному: я с трудом сдерживаю раздражение, ему, кажется, всё равно.

– Претендент – Иван Сергеевич Розаров, четырнадцать лет, обнаружен три месяца назад, взят под наблюдение, признан перспективным. Предлагается зачислить на испытательный срок практикантом. Возражения? Возражений нет. Мария Владимировна, вы назначаетесь куратором практиканта.

Я чуть не выпустила изо рта сигарету. Потом холодно сказала:

– Самоотвод.

Младший без выражения посмотрел на меня.

– Не принимается.

– Я давно предупреждала вас, Вениамин Всеволодович, что больше не буду брать учеников. Также я предупреждала, что это вопрос обсуждению не подлежит, – я говорю спокойно, ровно, его языком, его голосом, с его любимыми запятыми. Младший смотрит на меня, и я с яростным отчаянием понимаю, что говорить могу что и как угодно: мне уже не отвертеться. – Да какого чёрта, я же ни одного практиканта не смогла довести до конца! Вы это не хуже меня знаете! Если он впрямь такой перспективный, отдайте его Тимуру, и все дела. Тимур у нас гений педагогики.

– Вот уж спасибо, ненаглядная, – вставил Тимур.

– Да ладно, не скромничай, – зло бросила я. И ведь правду же сказала. За то время, что я вхожу в группу Младшего, мне четырежды поручали учеников, и трое из них заканчивали нервным срывом. Что стало с четвёртым, я не знаю, однажды он просто не пришёл на урок, и больше я о нём ничего не слышала. А Тимур тренировал по меньшей мере десятых, и почти всех удачно – настолько удачно, что их не оставили у нас, а отправили в группы высшего приоритета. Он и Игната тоже тренировал. И меня.

– Я не скромничаю. Просто не вижу смысла обсуждать решение старшего супервизора, – сказал Тимур необычно серьёзным для него тоном. Я страдальчески вздохнула. Ладно, сами напросились. Младший наконец оторвал от меня взгляд и пощёлкал стилусом по монитору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.